

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА ВЫХОДЦАМИ ИЗ СТРАН АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается правовой механизм принятия российского подданства выходцами из стран Азии (Китая, Кореи и Японии) на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. На основе архивных материалов и законодательных актов анализируется эволюция миграционной политики Российской империи, региональные особенности и условия натурализации для различных групп азиатских иммигрантов. Особое внимание уделяется различиям в правовом статусе, процедуре перехода в подданство, а также роли местных властей и социально-экономических факторов в данном процессе. Исследование показывает, что политика интеграции носила избирательный характер и во многом определялась колониальными интересами и практическими потребностями освоения региона.

Ключевые слова: российское подданство; иммиграция; Дальний Восток; правовой механизм; миграционная политика; колонизация; натурализация.

V.V. Sinichenko

THE LEGAL MECHANISM FOR THE ADOPTION OF RUSSIAN CITIZENSHIP BY IMMIGRANTS FROM ASIAN COUNTRIES IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article examines the legal mechanism of acquiring Russian citizenship by immigrants from Asian countries (China, Korea, and Japan) in the Russian Far East in the late 19th and early 20th centuries. Based on archival materials and legislative acts, the article analyzes the evolution of the Russian Empire's migration policy, regional characteristics, and conditions for naturalization for various groups of Asian immigrants. Special attention is given to the differ-

ences in legal status, the procedure for acquiring citizenship, and the role of local authorities and socio-economic factors in this process. The study shows that the policy of integration was selective and was largely determined by colonial interests and the practical needs of developing the region.

Key words: Russian citizenship; immigration; the Far East; legal mechanism; migration policy; colonization; naturalization.

Колонизация Дальнего Востока в период Российской империи (особенно во второй половине XIX – начале XX века) создала уникальную ситуацию.

Дело в том, что в Сибирь и на Дальний Восток стали переселяться наряду с российскими гражданами и иностранные подданные. Основной поток иностранцев на Востоке России составляли выходцы из стран Азии: Китая (Цинской империи), Кореи и Японии.

Миграционная политика в отношении японцев складывалась на основе Симодского трактата, подписанного между Россией и Японией в 1855 г. Этот документ давал право личной безопасности японским иммигрантам и неприкосновенности их собственности. Подписанные позже: трактат 1858 г. о торговле и дружбе между Россией и Японией и договор о торговле и мореплавании 1895 г. сохраняли уже принятые права. Число переселившихся на русский Дальний Восток японцев составляло в 1910 г. около 4 тыс. человек и менялось в зависимости от времени года, увеличиваясь летом и уменьшаясь зимой. Жили японцы главным образом в крупных городах и центрах края – Владивостоке, Хабаровске и Чите, в деревнях и селах их почти не было. Для примера во Владивостоке численность японских иммигрантов в 1878 г. достигла 80 человек [1, с. 202]. За 11 лет с 1881 г. по 1891 г. число японцев во Владивостоке возросло более, чем в 2 раза (с 230 до 517 человек), а за последующие 10 лет, с 1891 г. по 1900 г. – более, чем в 4 раза (с 517 до 2216 человек) [2, с. 213].

Во Владивостоке наибольшее число японских иммигрантов принадлежало к разряду ремесленников и прислуги; второе место занимали женщины, занимающиеся проституцией, а затем шли коммерсанты, врачи и дантисты [2, с. 214].

Российское подданство приняло менее 5 % японцев, переселившихся на Дальний Восток России. Японский консул и японские общества препятствовали смене подданства микадо.

Корейские иммигранты для российской администрации на Востоке страны были более удобным элементом в плане освоения и колонизации территории. После подписания Пекинского договора 1860 г. в 1863 г. первые 13 корейских семей поселились в Приморье и основали первую корейскую деревню Тизинхэ [1, с. 130].

К середине 60-х гг. XIX в. существовали в Приморской области уже три корейские деревни: Тизинхэ, Янгихе и Сидими, в которых насчитывалось 1800 человек [1, с. 134].

В целях «скорейшего обрусения и приобщения к России» генерал-губернатор М.С. Корсаков предложил в 1866 г. духовенству, употребить все старания к обращению корейцев в христианство. Уже к концу 70-х годов XIX века в Приморской и Амурской областях в 21 корейском селении насчитывалось 6 766 корейцев, из них 2 002 человека были крещеными, что подразумевало принятие российского подданства [3, с. 45].

Корейцы массово селились в приграничной с Кореей Приморской области. На Амуре ими было основано только одно село.

Со времени экспансии Японии в Корею и вытеснения японцами корейцев из страны, поток корейских иммигрантов в Россию резко возрос. К 1 января 1912 г. в пределах Приамурского края было официально зарегистрировано 62529 душ корейского населения, из них 9 тысяч проживало во Владивостоке [3, с. 128].

Только в 1911 г. после аннексии Японией Кореи желающих перейти границу и связать свою жизнь с Россией и было 8209 корейских семей (с детьми это около 50 тыс. человек). Однако царское правительство уже неохотно предоставляло подданство. По результатам земской переписи 1917 г. из общего числа корейского населения Приморской области 81825 человек, русское гражданство имели только 32841 корейца [3, с. 105, с. 133].

Что касается китайцев, то существовало два основных района проживания китайцев: Зазейский край Амурской области и Южно-Уссурийский край Приморской области. Китайские подданные делились на две категории: зазейские маньчжуры (около 10,5 тыс. чл.), которые сохранили цинское подданство согласно статьям Айгуньского договора 1858 г., и остальные ки-

тайские подданные, статус и права которых официально не были закреплены около 3 тыс чл. [1, с. 6].

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в своем письме директору Азиатского департамента МИДа Российской империи Е.К. Бюцову писал в 1869 г., что манзы Приморья, перешли в российское подданство в силу 1-й статьи Пекинского договора, и обязаны подчиняться русским законам [4, Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 154. Л. 74].

Поскольку первым шагом к принятию российского подданства было признано уплата налогов российскому правительству было введено правило обязать манз получать после уплаты налога билет на проживание. Пойманных без документов подвергали штрафу (5 рублей) и после оплаты всех сборов выдавали новый билет. Если китаец сопротивлялся, он депортировался на родину.

Зазейским китайцам выдавались бессрочные билеты (вид на жительство) с указанием места жительства и занятия. Китайцы занимались сельским хозяйством и имели право владеть на территории России недвижимым имуществом, хотя продолжали сохранять цинское подданство и соответственно подчинялись в юридическом отношении китайским властям.

Отметим также, что стимулировало принятие китайцами русского подданства, издание 23 января 1894 г. Приамурским генерал-губернатором «Правил для покупки в Приамурской области русскими подданными казенных земель». Означенные правила, разрешали владеть землей только русскоподданным [4, Ф. 99., Оп. 1., Д. 96. Л.1–2].

Если китайцы-земледельцы Приморья под воздействием денежных сборов и в надежде на 20-летнее освобождение от податей переходили в российское подданство, то принятые нормы оставили «зазейских» манз в китайском подданстве до 1900 г. В этот год вооруженный конфликт России и Китая привел к полной ликвидации китайского землевладения и экстерриториальности на Амуре [5, с. 56].

Если рассматривать юридическую сторону вопроса, то принятие азиатских подданных в российское подданство проходило на основании «Законов в состояниях» Свода Законов Российской империи.

В разделе Законов в состояниях из Свода Законов Российской империи, посвященном иностранным подданным,

наибольшее число статей о порядке и условиях перехода иностранцев в российское подданство. Процедура перехода была довольно сложным и часто долговременным процессом. Первоначальным условием было предварительное водворение иностранца на территории России на срок не менее пяти лет¹ и естественно, личное желание сменить подданство. Желавший водвориться подавал прошение местному губернатору и получал свидетельство, со дня, подписания которого и считался срок его водворения. По прошествии пяти лет иностранный подданный подавал прошение о смене подданства на имя Министра внутренних дел, которое должно было содержать информацию о месте, времени проживания, образе жизни и деятельности просителя, подтвержденную документально. Чаще всего в делах иностранцев, проживавших в Приамурском генерал-губернаторстве, встречаются ходатайства представителей местных обществ (старожилов, известных предпринимателей), благоприятные отзывы городских полицмейстеров, свидетельства городских управ о получении купеческих свидетельств и т.п. Кроме того, в прошении указывалось, к какому обществу и сословию проситель желает приписаться и в каком хочет быть приведенным к присяге².

Российское подданство распространялось непосредственно на просителя и его жену. В соответствии с законодательными нормами жены иностранцев, принявших российское подданство, а также иностранки, вступившие в брак с россиянами, становились подданными России без совершения присяги³.

Вдовы иностранцев, разведенные иностранки, а также никогда не состоявшие в браке могли самостоятельно сменить подданство на российское. Процедура переезда для них ничем не отличалась от предписанной для иностранцев мужчин. За-мужние иностранки к принятию российского подданства отдельно от мужей не допускались. Для некоторых категорий иностранцев был установлен льготный режим. Он выражался либо в сокращении срока предварительного водворения в стране, либо в том, что решение могло приниматься на уровне губернатора области.

¹ Свод Законов российской империи (СЗРИ). Т. 9. Законы о состояниях. СПб. 1899. Ст. 836, 837, 839. С. 168-169.

² Там же. Ст. 842.

³ Там же. Ст. 855.

Женщины, бывшие россиянки, но вступившие в брак с иностранцем, в случае смерти мужа или развода могли беспрепятственно вернуться в подданство России вместе с детьми. Условием было предоставление губернатору по месту жительства удостоверения о прекращении брачного состояния. Свидетельство губернатора о том, что такой документ ему предоставлен, служило доказательством возвращения ее в российское подданство¹.

Совершеннолетние дети бывших иностранцев могли сменить подданство льготным порядком либо одновременно с родителями, либо в течение следующего года². Если они этого не делали в течение означенного времени, то процедура перехода была обычной.

Дети иностранцев имели право изменить подданство отдельно от родителей, если родились и были воспитаны в России, или родились за границей, но окончили российские высшие или средние учебные заведения, но только в течение года со времени достижения ими совершеннолетия (21 год)³.

На сокращение срока водворения могли рассчитывать также иностранцы, прибывшие в Россию в 1864 г.; имевшие особые заслуги перед российским обществом; известные талантами, познаниями или поместившие значительные капиталы в российские предприятия⁴.

Таким образом, политика Российской империи в отношении натурализации азиатских иммигрантов на Дальнем Востоке носила избирательный и прагматичный характер. Правовой статус и условия натурализации существенно различались для выходцев из Китая, Кореи и Японии, что определялось внешнеполитическими договорами, внутривнутриполитической конъюнктурой и восприятием каждой группы властями.

Японцы, чей статус регулировался международными трактатами, составляли наименьшую и наиболее урбанизированную группу мало принимавшую российское подданство.

Корейцы изначально рассматривались как наиболее предпочтительный элемент для колонизации пустующих земель,

¹ Свод Законов российской империи (СЗРИ). Т. 9. Законы о состояниях. СПб. 1899. Ст. 853.

² Там же. Ст. 851.

³ Там же. Ст. 850.

⁴ Там же. Ст. 848.

что поощрялось властями (в т.ч. через обращение в христианство). Однако после аннексии Кореи Японией и резкого роста потока беженцев царское правительство стало крайне сдержанно предоставлять им подданство, опасаясь чрезмерного роста иноэтничного населения.

Китайцы представляли наиболее сложную и неоднородную категорию. Их правовой статус (особенно «зазейских» маньчжуров) определялся положениями Айгуньского и Пекинского договоров. Механизмы административного и налогового давления (система билетов) использовались для регулирования их пребывания и стимулирования перехода в подданство, ключевым стимулом для которого выступало право приобретения земли.

Общеимперская правовая процедура натурализации, закрепленная в Своде Законов, была сложной, бюрократичной и длительной (не менее 5 лет предварительного водворения). На практике ее реализация на Дальнем Востоке зависела от дискреционных полномочий местных властей (губернаторов, полиции), их отношения к конкретным мигрантам и ходатайств местных обществ. Это создавало пространство для субъективного подхода и региональной специфики.

Итак, правовой механизм принятия российского подданства азиатскими иммигрантами на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. выступал не нейтральным административным каналом, а инструментом гибкой и дифференцированной политики, подчиненной задачам колонизации, экономического развития и сохранения контроля в стратегически важном, но слабозаселенном регионе.

Список использованной литературы

1. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье : Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве. – Санкт-Петербург : Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – [3], 4, IV, 480, [4] с. : [С прил.: 1–46, 48–51]. – (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции ; вып. XI).
2. Сибирские Вопросы. – 1906. – № 2. – С. 213–214.
3. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи / Б.Д. Пак ; Междунар. центр корееведения МГУ им. М.В. Ломоносова, Меж-

дунар. центр азиат. исслед. Иркут. гос. пед. ин-та. – 2-е изд., испр. – Иркутск : ИГПИ, 1994. – 236 с.

4. Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО).

5. Дацышен В.Г. Уссурийские купцы. Судьбы китайцев в дореволюционной России / В.Г. Дацышен // Родина. – 1995. – № 7. – С. 54–57.

Информация об авторе

Владимир Викторович Синиченко – советник при ректорате Байкальского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, v.v.sinichenko@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9384-2175.

Author

Vladimir Viktorovich Sinichenko – Advisor to the Rector's Office Baikal State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, v.v.sinichenko@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9384-2175.